

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Д. А. Завельская
г. Москва, Россия

МОТИВ ЧУДА В ИЗОБРАЖЕНИИ ХРИСТИАНСКОГО ПРАЗДНИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Аннотация: Проблематика данного исследования — типология изображения чуда в русской литературной традиции. Тема христианского праздника прослеживается в текстах различных жанров и стилей. Анализ прозаических и поэтических произведений русских писателей стал основой для сопоставления и разграничения нескольких устойчивых инвариантов, характерных для прозы и лирики. В процессе анализа прозаических и поэтических текстов прослеживается единство мотивов чуда и дара; восприятие перемены в душе как чуда. Сюжеты пасхальных прозаических произведений близки рождественским. Их основа — перемена в душе и судьбе. В базовых прозаических сюжетах заметно влияние европейской литературы. Пасхальная русская лирика самобытна и содержит прямые отсылки к богослужебным текстам. В прозе и лирике можно обнаружить, таким образом, две ведущие тенденции осмысления христианского праздника в русской литературной традиции через мотив чуда: перемена в индивидуальной судьбе и целостное обновление бытия. Предложенная система позволяет связать жанр, направление, мотив, систему образов и картину мира, а также может служить одним из аспектов изучения традиции светской христианской литературы.

Ключевые слова: чудо, праздник, русская литература, традиция, мотив, направление, жанр, сюжет, дар, Рождество, Пасха.

Информация об авторах: Дарья Александровна Завельская — кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Институт славянской культуры, Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. E-mail: daralzav@gmail.com

Дата поступления статьи: 28.06.2018

Дата публикации: 28.03.2019

Для цитирования: Завельская Д. А. Мотив чуда в изображении христианского праздника русской литературной традицией // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 125–140.

Само понятие *традиции* в настоящее время весьма распространено и служит основой как узких тематических исследований, так и широких обобщений, однако применение термина зачастую не получает должного обоснования.

Так, специалист по творчеству И. С. Шмелева Я. О. Дзыга, неоднократно употребляя данный термин, либо по умолчанию рассматривает его как комплекс изобразительных принципов, не уточняя границы понятия («Изображение быта в “Истории любовной” И. С. Шмелева: диалог с традицией» [7]), либо прямо указывает на суть

проблемы: «отсутствие единого понимания термина и терминологической однозначности» [6, с. 7].

Для комплексного изучения культурной традиции, для научного анализа путей ее преемственности необходим системный подход, который должен включать и литературоведческие исследования. Нет уже никаких сомнений в том, что ни одна реконструкция культуры как системы невозможна без опоры на анализ текстов, в том числе художественных. В некоторых случаях такой анализ позволяет выявить основы религиозных представлений. Однако важно разделять собственно догматику и проявление верований в религиозной картине мира, которая может отличаться от строгой богословской экзегезы, однако имплицитно содержать в себе некие ключевые представления и понятия, восходящие к базовым представлениям и/или ценностям.

В отношении христианства подобный подход активно используется. И в аспекте изучения традиции дает возможность проследить конкретные способы преемственности в единстве формы и содержания. Художественные тексты в этом аспекте вполне правомерно считать источниками, необходимыми для осмысления христианской картины мира и ценностной системы, однако с четким осознанием отличия их от исторических источников.

Так, детальный источниковедческий анализ положен в основу труда А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» [4]. И этот принцип в определенной мере может служить моделью выявления концептуально значимых понятий, а в данном случае — для обнаружения и осмысления особенностей конкретной традиции.

При анализе литературных текстов как источников реконструкции культурной и религиозной традиции необходимо учитывать их основные характеристики, позволяющие соотнести явление не только с определенным периодом, но и с факторами среды, особенностями публикационной деятельности соответствующего периода, а также вне-литературными явлениями. Помимо датировки, вопроса авторства и возможных индивидуальных заимствований, в аналитическую базу должны включаться факторы жанра и стиля, определяющие типологию изобразительных средств и смысловых акцентов. Подобный подход применяет, в частности, Е. Душечкина в своих работах, посвященных русской календарной прозе и праздничным традициям [9; 10].

Углубленное исследование *мотива чуда*, имеющего самое непосредственное отношение к мировосприятию, не только религиозному, может способствовать пониманию представлений и ценностных аспектов культуры. И само многообразие вариантов художественного воплощения этого мотива диктует необходимость конкретизировать направление анализа.

Тема христианского праздника в данном случае может стать продуктивным руслом [12, с. 221], поскольку позволяет связать осмысление чуда непосредственно с христианской картиной мира и системой ценностей, которая, с одной стороны, сохраняла определенную базовую устойчивость, с другой — претерпевала трансформацию. Следовательно, мы должны учитывать систему жанров, восходящих к церковной литературе, но впоследствии представленных светской художественной литературой более вариативно. А без учета смены ведущих жанров в контексте направлений культуры нельзя в полной мере учесть и смысловую трансформацию в понимании чудесного.

В исследованиях, посвященных генезису светских жанров, поднимались вопросы разграничения рождественской и святочной прозы. Один из принципов решения данной научной проблемы — отнесение к «святочному» сюжету «маскарадных», игровых и фантастических мотивов, а к «рождественскому» — нравственных и социальных [9, с. 142].

При всей справедливости такого разграничения, необходимо учитывать и то главное, что объединяет литературу, посвященную христианским праздникам, а именно осмысление земной жизни человека, общества и бытия как такового в соотношении с трансцендентным началом.

Поэтому для комплексного анализа литературной традиции, соотнесенной с христианским праздником, целесообразно рассматривать следующие жанры русской литературы:

- 1 Проповедь (слово),
- 2 Роман/повесть (крупная проза),
- 3 Новелла/рассказ (малая проза),
- 4 Лирическое стихотворение.

Из них первое — жанр церковной литературы, остальные относятся к светской.

Во всех указанных жанрах мы обнаруживаем упоминание о чуде. При этом, в отличие от проповеди, многообразно интерпретирующей весь христианский праздничный канон, в светских жанрах преобладает изображение Пасхи и Рождества. Таким образом, мы рассматриваем не просто богословскую основу трактовки праздника, но и его осмысление в светской литературной традиции.

Среди прозаических жанров русской литературы можно выделить пасхальный и рождественский/святочный рассказ, а также сходные с ним элементы текста в повестях и романах [13].

Вопрос зарождения жанра достаточно сложен, однако неоспорим факт влияния на русскую рождественскую и пасхальную (А. С. Хомяков) прозу творчества европейских писателей: Г. Х. Андерсена и Ч. Диккенса. Собственно, первый достоверно зафиксированный пасхальный рассказ «Светлое Воскресенье» (1843) — переложение А. С. Хомяковым «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса на русский быт и праздник Пасхи с минимальными отклонениями от первоосновы [15].

Однако значимость рецепции в методе исторической поэтики и контексте изучения феномена традиции не должна сводиться к вопросу индивидуального влияния или заимствования.

Обратим внимание на проблему генезиса рассказа Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», который часто упоминается в контексте исследований рождественского сюжета. В 1976 г. Достоевский сюжетно повторяет «Девочку с серными спичками» Г. Х. Андерсена, однако, по свидетельству самого писателя, его вдохновило более раннее произведение немецкого романтика Ф. Рюккерта «Елка ребенка на чужбине» («Des fremden Kindes heiliger Christ» Gedichte) [30, с. 246–248], впервые опубликованное в 1816 г. и ставшее очень популярным.

Можем ли мы говорить здесь о двойном влиянии Рюккерта и Андерсена? В монографии Г. М. Фридлендера критикуется механистический подход к творчеству писателя: «Литература никогда не была для Достоевского простой комбинацией образов, сюжетных положений и цитат. За литературными идеями и образами он, как всякий великий писатель-реалист, видел выраженные в них явления жизни» [26, с. 297].

Однако в аспекте данного исследования корректней рассматривать не столько прямое влияние, сколько *характер самого культурного пласта*, определяющего *тип сюжетной, жанровой и стилистической поэтики*, соответственно анализируя и содержательность формы. Со всей очевидностью мы видим типологическое отличие сюжета рождественского чуда у немецкого и датского авторов, с одной стороны, и английского реалиста Диккенса — с другой.

«Рождественская песнь» Диккенса (1843) и «Девочка со спичками» Андерсена (1845) создавались с небольшим временным промежутком. Однако хронология их публикации не дает нам права говорить о прямом влиянии Диккенса на Андерсена, хотя оба были в дружеских отношениях [11, с. 172], и есть все основания предполагать взаимодействие творческое. Как писатели, оба двигались примерно в одном направлении — от зрелого романтизма к раннему реализму. Но если у Диккенса реализм гораздо полней и отчетливей, то Андерсен в большей степени погружен в контекст немецкого романтизма [11, с. 87], и вот рецепцию Рюккерта в произведении Андерсена предположить можно весьма уверенно.

Сюжет чуда здесь выстроен по *единой модели*: обездоленное в земной жизни дитя получает Откровение свыше — о красоте и радости Божественной благодати в ином мире, затем уходит к этой радости, небесной елке, только героя стихотворения (пол его не обозначен) встречает сам Христос, а девочку Андерсена — дух умершей бабушки. Датский романтик усиливает бытовизм и социальный акцент, что соответствует *реалистическому* направлению, этот же элемент при общности сюжета воспроизводит и Достоевский.

У Диккенса сохранен образ обездоленного ребенка в Рождество (не только малютки Тима, но и самого Скруджа в детстве), но сюжет чудесного кардинально трансформирован: Откровение, полученное главным героем, приводит к перемене в душе и в земной жизни. В свою очередь личностная перемена героя влияет и на участь ребенка (социальный аспект). Но о каком взаимодействии с предыдущим литературным и культурным багажом можно говорить применительно к Диккенсу? Само название повести и ее структура недвусмысленно отсылают к поэтической первооснове. Однако the Christmas Carol — это все же не «песнь» в романтическом значении, а «рождественский гимн» — примета европейской рождественской традиции в *бытовом аспекте*.

Считая Диккенса создателем новой традиции европейской литературы, *нового сюжетного типа*, воспринятого Хомяковым и последующей русской литературой, мы должны учесть историю создания «Рождественской песни» (первоначальный план публикации социально-критического очерка и отказ от него в пользу художественной формы Диккенс Смиту 10 марта 1843 г.) [8, с. 500], при этом предполагая существование в европейском романтизме более ранних поэтических форм, которые могли стать отправной точкой для нового сюжета и выявления нового смысла рождественского чуда. Сам Диккенс в означенном письме говорит о сложившейся традиции празднования английского Рождества, но не литературных источников вдохновения.

Данный фактор может стать отдельной проблематикой иных исследований. Здесь же важно, что смена сюжетного типа усваивается русской литературой в процессе перехода от романтизма к реализму, который позволял сочетать бытовизм, социальный детерминизм и момент откровения как результат психологического кризиса.

Именно смена литературного направления определила новую типологию мотива чуда в сюжете прозаических жанров: *перемена участи и перемена сознания в земной жизни* как отклик на Откровение. При этом развитие реализма существенно минимизировало романтический компонент — появление некоего «посланника» из инобытия. Но восприятие перемены в душе как чуда сохранялось и в массовой литературе, и у классиков. Тут необходимо уточнение: сама традиция календарной литературы, получившая развитие благодаря периодике, со всей очевидностью обнаруживается и прослеживается в соответствующих изданиях, но включает в себя произведения как малоизвестных авторов, так и признанных ныне писателей-классиков. В качестве примеров

рассмотрим именно их, помня, что общий массив произведений, объединенных темой и жанровыми чертами, огромен.

В новелле 1885 г. «Жемчужное ожерелье» Н. С. Лесков обозначил некоторые из этих черт именно как признак жанровой традиции: «Исключение составляют разве только одни его святочные рассказы. И они, конечно, прекрасны, но в них есть однообразие; однако в этом винить автора нельзя, потому что это такой род литературы, в котором писатель чувствует себя невольником слишком тесной и правильно ограниченной формы. От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера — от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец — чтобы он оканчивался непременно весело» [18, с. 3]. И на Диккенса прямо указано как на первооткрывателя данного жанра, однако фантастический компонент упомянут сжато и неопределенно. В самой новелле подлинно фантастического нет вовсе, но смысл ее куда глубже, чем характеристика, вложенная в уста героя.

Под Рождество юноша и девушка обретают любовь; в Рождество совершается обручение, на Новый год вручен подарок, испытывающий чувства жениха и невесты, потом открыта его тайна. Метафорически преобразуя оппозицию фальшивого и подлинного, Н. С. Лесков через поддельное украшение открывает неподдельность любви. Чудо внезапного обретения друг друга и есть рождественское чудо, подтвержденное новогодним «секретным» подарком.

Исследователь творчества Н. С. Лескова, Н. Н. Старыгина, убедительно обосновывает сквозную роль *семантики дара* и дарения не только в предметном мире святочной прозы, но и во всей семантико-сюжетной структуре рождественских текстов [24, с. 45]. При этом такое структурное значение формирует и сам сюжет внутренней трансформации героев повествования: «Мотив дарения соотносится не только с бытовой ситуацией, но и приобретает христианскую семантику (прощение, милосердие, перерождение и возрастание души), ему возвращается сакральный смысл. Подарок становится не только и не просто знаком, несущим информацию о социальных отношениях, но и символом духовного прозрения человека» [24, с. 52].

Жемчужное ожерелье в новелле Лескова, как уже показано ранее, обнаруживает более сложную семантику; это дар-испытание, позволяющий вторично познать подлинность любви, но так или иначе в предметном образе благодаря сюжету раскрывается земное чудо обновленного восприятия бытия, откровения в христианском понимании: «Подарок-обман был проверкой чувств героя (молодого мужа), с одной стороны, с другой — с его помощью писатель раскрыл полноту отцовских переживаний. Мотив дарения сопрягается с мотивом нравственного выбора. Жемчуг (образ вещи как объекта дарения) стал символом выбора между материальным благом и одухотворенными чувствами (любовь, уважение, понимание, прощение и др.). Следует подчеркнуть, что мотив дарения в рассказе “Жемчужное ожерелье” акцентирует важнейшее для рождественской прозы событие: духовное возрастание и прозрение человека» [24, с. 44].

В этом плане пасхальная и рождественская проза развивают одну и ту же смысловую линию, что заметно в пасхальных рассказах, так же утрачивающих фантастический элемент и так же закрепляющих сюжет «чуда в душе». И к пасхальной русской прозе вполне правомерно применить формулировку: «...мотивы прозрения (возрождения), милосердия, празднования, прославления Бога и дарения объединяются» [24, с. 49].

Один из ярких примеров — рассказ Л. Андреева «Баргамот и Гараська» (1898):

Баргамоту представилось, что мраморное яичко, которое он бережет для Ванюшки, разбилось, и как это ему, Баргамоту, было жаль.

— Экая оказия, — мотал головой Баргамот, глядя на валявшегося пьянчужку и чувствуя, что жалок ему этот человек, как брат родной, кровно своим же братом обиженный. — Похристосоваться хотел... Тоже душа живая, — бормотал городской, стараясь со всею неуклюжестью отдать себе ясный отчет в положении дел и в том сложном чувстве стыда и жалости, которое все более угнетало его. — А я, тово... в участок! Ишь ты! [1, с. 49].

Будущий экспрессионист Л. Андреев, следуя здесь и основам жанра, и — шире — тенденциям реалистической поэтики конца XIX в. — психологизму и социальному детерминизму, сплетенным в достоверности разговорной речи, — в сущности воспроизводит сюжет «внутреннего чуда», прозрения и обретения любви.

В рассказе А. И. Куприна «На заказ» (первый вариант названия — «Таинственный незнакомец», 1901) уже активно пародируются наиболее популярные произведения, включая «В ночь под Светлый Праздник» В. Г. Короленко; проскальзывает и аллюзия на «Девочку со спичками». Но в сущности герой проходит те же стадии, что прослеживаются в базовом варианте Диккенса/Хомякова: охлаждение души (циничное пренебрежение сутью праздника) — воспоминания о детстве и нищей молодости («дух минувшей Пасхи») — сострадание к ребенку и сочувствие его наивной радости (сам герой в детстве и его больной сын в нищей квартирке) — духовное исцеление и вдохновение:

Илья Платонович, точно его подбросили, вскочил с дивана. Лицо его было мокро от слез, но он их не стыдился, потому что они дали ему на несколько минут чувство давно не испытанной, глубокой человеческой скорби, очищавшей и смягчающей сердце... Пройдясь по комнате, он заглянул в окно. По-прежнему у окон кондитерской толпились оборванные ребятишки, топая озябшими ногами. И ему вспомнилась та злоба, с которой он только что иронизировал над «исхудалыми мальчиками» и «таинственными господами в золотых очках!» Но теперь уже не раздражение, глядя на них, почувствовал Арефьев, а тихую, нежную, родственную жалость. «Все мы, — подумалось ему, — так или иначе — бедные, исхудалые, брошенные дети, и как ужасна должна быть жизнь, если совсем потерять веру в таинственных добрых незнакомцев!» [16, с. 121].

Герой рассказа И. С. Шмелева «Лихорадка» преодолевает физический недуг в процессе духовного исцеления — приобщения через предметность земных даров с самому празднику Пасхи как высшему откровению [27, с. 294]. Финал можно трактовать иначе: он более не чувствует физических симптомов болезни, обретя духовный опыт, но в реальности — на пороге смерти. В любом случае герой внутренне преображен, и фантастический элемент здесь также полностью вытеснен реализмом — описанием ночной прогулки среди огней и сияющих лиц. Простой быт пронизан высшим смыслом соприсутствия божественного.

Таким образом, семантика дара в сюжетном контексте христианского праздника маркирует событие «внутреннего», духовного чуда. Сам «обыденный» предметный ряд в контексте праздника приобретает смысл чудесного. Совершенно очевидно, что у Диккенса во всем цикле «Рождественских повестей» семантика благого дара приобщает простой быт к воплощению «чуда на земле»: по воле преображенного Скруджа (Скруг у Хомякова) праздничная индейка, посланная бедному семейству, становится христианским даром и свидетельством Божьей воли, служения ближнему. В том же

ряду и пасхальное яичко у Андреева, и скудная трапеза у Куприна, и даже деньги, присланные курсистке Милочке, и открытка в «Лихорадке» Шмелева [27, с. 284].

Подобный сюжет преображения души на земле воспроизведен Шмелевым и в одном из эпизодов его крупной повести «Человек из ресторана» (1911). Предметная насыщенность воспоминаний главного героя продиктована принципами реализма: «А бывало, так торжественно у нас в этот день. Луша раным-рано подымается, пироги бьет... Гусем пахнет, поросенок с кашей и суп из потрохов. Очень Колюшка суп любил из потрохов... И у меня чистая крахмальная рубашка всегда на спинке стула была приготовлена и сюртук на вешалочке, чтобы мне к обеду одеться. И всегда всем подарки раздавал. Сперва Луше моей, хлопотунье... Ей я духов хороших подносил флакон — одеколону и на платье. И Наташе на театр там, и Колюшке тоже... Бывало, пойдешь их будить, выдернешь думочку — и их по этому месту... Пообедаем честь честью, как люди... И вот то Рождество я встретил в такой ужасной обстановке» [28, с. 161–162].

Однако сцена с белыми цветами меняет и общий контекст: «Смотрю в окно на мороз, и томит в душе... И колокол гудит праздничный... И вот вижу я на окне-то, у стеклов-то мерзлых, цветы из бутылки... А это ветка, которую Черепяхин-то посадил, вся в цвету, сплошь. Черемуховый цвет, белый... И пахнет даже, как весной... Так так-то необыкновенно мне стало. Как подарок необыкновенный к празднику...» [28, с. 162].

Приведенные здесь примеры, разумеется, не могут исчерпать всего массива русской календарной прозы, посвященной Рождеству и Пасхе, и все же позволяют проследить особую традицию проявления чуда: очевидную сопряженность духовной трансформации с «обыденным» предметным рядом. С одной стороны, это объясняется поэтикой реализма как такового: и рождественский, и пасхальный рассказ получают развитие именно благодаря реализму и его социально-бытовой направленности. Но не только. Именно углубленный реалистический психологизм позволил сосредоточить внимание авторов и читателей на «перерождении души», которое предстает в реалистической прозе достоверно и притягательно, формируя сюжет, не требующий «внешней» событийности.

В этом аспекте «Лихорадка» Шмелева очень близка «Бедному принцу» (1909) Куприна, хотя в этом рассказе речь не идет о жизни и смерти — лишь о некоем особом ощущении сопричастности прекрасной и светлой истине, которая впервые размыкает для ребенка круг привычных жизненных явлений.

Поэтому, с одной стороны, справедливо замечание, что другой рассказ Куприна, «Чудесный доктор», «выбивается из общего ряда сюжетных решений таких писателей-реалистов, как Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Андреев, сохраняя лишь реалистичность описания» [21, с. 147]. С другой же, нельзя согласиться с утверждением, что данный мотив «выдержан в диккенсовской традиции» [21, с. 147], поскольку ни в одной из «Рождественских повестей» английского писателя благодеяние и избавление от нищеты не формирует сюжет, и даже в самой первой повести, положившей начало цикла, избавление бедного семейства от нищеты, а малютки Тима — от смерти происходят благодаря духовной трансформации главного героя — Скруджа.

Однако в русской литературе сюжет благодеяния как рождественского чуда, изменившего человеческую судьбу, встречается ранее публикации «Рождественской песни в прозе» (декабрь 1843 г.). Это эпизод повести К. Н. Баранова «Ночь на Рождество Христово» (1834), с которого начинается сюжет: воры хотят использовать маленького мальчика как невольного помощника при ограблении дома помещика Миролюбова, а после их ареста ребенка берет на воспитание, заступившись за его перед

полицией, сам добросердечный Миролубов [2, с. 25–29]. По мнению Е. В. Душечкиной, здесь в реализации рождественского сюжета сказывается европейская традиция [9, с. 143], вероятно, имеется в виду рецепция «Приключений Оливера Твиста». Но сходный фабульный поворот у Диккенса никак не связан с Рождеством. Также заметим, что поворот в судьбе ребенка у Баранова не акцентирован как особое «рождественское чудо» и происходит лишь в первой главе, мало сказываясь на всей повести в целом.

Вспомним и хрестоматийное стихотворение К. Петерсона «Молитва», впервые опубликованное в 9 номере журнала «Звездочка» 1843 г.:

— Боже! — говорил малютка, —
Я прозяб и есть хочу;
Кто ж согреет и накормит,
Боже добрый, сироту?

Шла дорогой той старушка —
Услыхала сироту;
Приютила и согрела
И поесть дала ему [22].

Рождество тут не упоминается вовсе. Стихотворение было опубликовано осенью. Но зимний мороз и звезды позволяют провести гипотетическую параллель с «Des fremden Kindes heiliger Christ» Рюккерта и обоснованно предположить, что Петерсон, происходивший из обрусевших немцев-лютеран, перекладывает в «Сиротке» немецкое стихотворение, тем более что в том же журнале «Звездочка» он публиковал свои переводы Шиллера и других европейских авторов.

В любом случае сюжет благодеяния как чуда в зимнюю ночь явно восходит не к Диккенсу, который уже обогащал и усложнял его в контексте перехода европейской прозы от романтизма к реализму, в своих рождественских сюжетах развивая именно ту психологическую линию, которая так активно была воспринята и освоена русским реализмом.

Однако и в «Чудесном докторе» Куприна дело не только в перемене финансовой: перед чудесной встречей измученный Мерцалов готов умереть физически, поскольку почти умер духовно: «“Вот лечь бы и заснуть, — думал он, — и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке”». Просунув руку под жилет, Мерцалов нащупал довольно толстую веревку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужаснулся этой мысли, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного. “Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?” Он уже хотел встать, чтобы исполнить свое страшное намерение, но в это время в конце аллеи послышался скрип шагов, отчетливо раздавшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шел по аллее» [17, с. 272]. Как раз этот элемент в большей степени отвечает не только «диккенсовской» поэтике, но и тем вариантам, которые развили мотив «чуда в душе» в русле становления русской рождественской и пасхальной прозы.

Так или иначе на основании приведенных примеров можно выделить *устойчивый инвариант чуда* в русской рождественской и пасхальной прозе, а также в рождественских и пасхальных эпизодах крупных прозаических произведений. Этот *инвариант* можно назвать «дар, меняющий человека», причем в большинстве его вариантов

перемена тождественна откровению и/или перерождению, вне зависимости от того, происходит это на Рождество или на Пасху.

С уверенностью можно предположить, что данный инвариант позволяет кардинально разграничить рождественский и святочный сюжет, поскольку, усиливаясь благодаря реалистическому направлению, минимизирует роль фантастического элемента и практически сводит на нет его необходимость, о чем было сказано выше. Однако и в отсутствие фантастического сохраняется значимое переживание откровения и/или вмешательства высшей силы в индивидуальную судьбу.

Вариативность же характеризует сам дар. Он может быть как предметным (пасхальное яйцо, цветы, угощение, деньги и т. п.), так и событийным (встреча, приглашение, неожиданное избавление от опасности, воспоминание и т. п.). В любом случае сюжет прозаических жанров сосредоточен на индивидуальной судьбе.

О многообразии художественных воплощений праздника справедливо писал В. Н. Захаров: «Пасха получала разное художественное значение в русской литературе. Поэты чаще всего писали и рассуждали о последних событиях земной жизни Христа, обращались к темам и образам четырех Евангелий. Существует огромная, во многом пока не собранная поэтическая антология пасхальных стихотворений, в создании которой участвовали почти все русские поэты. С этой точки зрения русская поэзия еще не прочитана. Многие не переиздавалось в советские времена, но многое и не узнано» [13, с. 251].

Но уже при рассмотрении целого ряда произведений мы обнаруживаем в русской светской лирике, посвященной Пасхе, иную типологию чудесного, нежели та, которая характерна для прозы. Помимо собственно чуда Евангельских событий, которое представлено уже в сонете В. К. Кюхельбекера «Магдалина у гроба Господня» и становится одним из ведущих смысловых мотивов у многих других поэтов, мы обнаруживаем еще один мотив «чудесного» как особенность русской пасхальной лирики. Это Воскресение Господне, представляющее через природные образы. На данном этапе изучения пасхальной поэзии сложно утверждать, где этот мотив появляется впервые. В стихотворении того же В. Кюхельбекера «Воскресение Господне» чудо озаменовано восходом солнца:

Повсюду мрак, повсюду тишина...
Но что? на мрак не первая ль волна
Живительных лучей златого моря света
Нахлынула? Редееет тень,
Бороться начал с ночью день,
И се уж твердь в багрец одета.

И вдруг взбежало солнце на обзор —
И вдруг содроглись дол и сердце гор,
И глас послышался, как глас трубы победной.
И ангел с радостных небес
Слетел и отвалил утес,
И страж объемлет ужас бледный [18, с. 262].

Это произведение мы можем датировать периодом до 1946 г. Однако уже во второй половине XIX в. мотив пасхального пробуждения природы становится одним

из ведущих. В целом ряде пасхальных стихотворений можно выявить типологическое единство: весенняя природа воплощает саму суть праздника — благовест о Воскресении.

В стихотворении Я. Полонского природа «проживает» всю Страстную неделю, чтобы воскреснуть вместе со Спасителем [23, с. 367–368]. У И. Бунина, как и у В. Кюхельбекера, о Воскресении возвещает заря [3, с. 174]. В прочих стихотворениях данного жанра обнаруживаются сходные варианты наделения природных образов особым смыслом. Можно было бы предположить, что в контексте романтической лирики природные образы здесь несут лишь метафорическую нагрузку — раскрывают эмоциональное переживание праздника.

Однако в древнерусской церковной проповеди, которая долго была самостоятельным литературным жанром (*слово*), природные образы обладают богословским смыслом, формирующим базовую художественную модель воплощения смысла праздника Пасхи. В качестве примера можно привести хрестоматийное «Слово прп. Кирилла Туровского на вторую неделю по Пасхе»: «Ныне солнце, красуясь на высоте, восходит и радостно землю согревает; поелику Христос, Солнце праведное, воссиял от гроба и спасает всех верующих в Него. Ныне луна, сошедши с высшей степени, большому светилу честь воздаст... Ныне красуется весна, оживляя земную природу, и ветры, тихо повеявая сверху, умножают плоды и земля, питая семена, рождает зеленую траву» [25, с. 17]. И хотя автор подчеркивает аллегоричность данных образов: «...так! — весна красная — это вера Христова, которая крещением возрождает человеческую природу: бурные ветры — это греховные помыслы, которые, чрез покаяние превратившись в добрые, умножают душеполезные плоды; земля же — это наша природа, которая, приняв слово Божие, как семя, и всегда чреватая страхом Божиим, рождает дух спасения» [25, с. 17], — совокупность их в картине мира отвечает базовому представлению христианской традиции: торжествует весь тварный мир; светила, растения и животные, поскольку произошло искупление и очищение от греха через Жертву Спасителя. И далее весеннее цветение земли уже предстает в своем буквальном смысле: «Ныне деревья пускают отрасли, и расцветают душистые цветы и разливают приятное благоухание; и земледельцы, трудясь с надеждою, призывают Христа, подателя плодов» [25, с. 17].

Таким образом, можно утверждать, что именно чудо целостного обновления бытия на Пасху получает «новое рождение» в русской светской лирике благодаря поэтике романтизма, одухотворившего природу. И такое одухотворение именно в жанре пасхальной лирики ближе всего к первичному смыслу сакрального понимания природы, которое, по всей видимости, устойчиво сохранялось в отечественной культуре благодаря непосредственному богослужебному контексту.

Подтверждением может служить отрывок из драмы К. Р. (кн. К. К. Романова) «Царь Иудейский»:

Хвалите Господа с небес
И пойте непрестанно:
Исполнен мир Его чудес
И славой несказанной.

Хвалите сонм Бесплотных сил
И ангельские лики:
Из мрака скорбного могил
Свет воссиял великий.

Хвалите Господа с небес,
Холмы, утесы, горы!
Осанна! Смерти страх исчез,
Светлеют наши взоры.

Хвалите Бога, моря даль
И океан безбрежный!
Да смолкнут всякая печаль
И ропот безнадежный! [14, с. 183].

В некоторых случаях этот отрывок публикуют как отдельное стихотворение, однако он лишь завершает стихотворный драматический текст, а построен на отчетливой реминисценции 148 псалма: «Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних. Хвалите Его, вси Ангели Его, хвалите Его, вся силы Его. Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, вся звезды и свет. Хвалите Его Небеса небес и вода, яже превыше небес. Да восхвалят имя Господне: яко Той рече, и быша, Той повеле, и создашася. Постави я в век и в век века, повеление положи, и не мимо идет. Хвалите Господа от земли, змиеве и вся бездны: огонь, град, снег, голоть, дух бурен, творящая слово Его, горы и вси холми, древа плодоносна и вси кедри, зверие и вси скоти, гади и птицы пернаты» (Пс. 148: 1–10). Этот хвалительный псалом («Аллилуиа, Аггея и Захарии») в переводе на церковнославянский язык — неотъемлемая часть православного богослужения, т. е. того общекультурного широкого контекста, который был знаком и авторам, и читателям Российской империи.

Сама природа, осмысленная здесь в ее изобилии как дар и чудо Господне, развернута в целостную картину мира в одной из духовных од Г. Р. Державина «Величество Божие»:

Но коль дела Твои, Творец,
Бесчисленны и неизмерны!
Премудрости Твоей суть бездны,
Полна земля Твоих чудес! [5, с. 240].

Переключка с этой строфой оды торжественного хора из драмы К. Р. очевидна (третья и четвертая строка), однако показательно, что именно в пасхальный контекст включено осмысление природы как чуда и свидетельства о Божьей Славе.

Выявленный мотив требует дальнейшего изучения, а также кропотливого исследования источников, поскольку, по всей видимости, пасхальная лирика (как и пасхальный рассказ, и рождественская проза и поэзия) обычно публиковалась в периодике. Особое внимание следует уделить детским журналам. Так, стихотворение Я. Полонского было первоначально написано для такого издания (сам журнал не указан), а в сборник Л. Чарской вошло три пасхальных стихотворения из журнала «Задушевное слово для старшего возраста». И во всех случаях воспроизведен указанный инвариант «природа, возвещающая о чуде Воскресения»: «Колокола», «Христос воскрес!», «Дивные звуки» [29, с. 34–38].

Отдельного интереса заслуживает стихотворение А. Майкова «Христос Воскресе!», которое вошло в цикл «Новогреческие песни» в собрании стихотворений 1872 г.

По всей видимости, оно воспроизводит, максимально приближенно к оригиналу, фольклорное праздничное песнопение греческой традиции того времени, где также очень важны образы птиц, поющих о чуде Воскресения [20, с. 176]. Сам же оригинал неизвестен, но, возможно, будет обнаружен. Разыскание такого первоисточника помогло бы выстроить связь между богослужбной, народной и книжной *традицией*.

Рождественская поэзия обладает большей вариативностью, включая непосредственное воспроизведение Евангельского сюжета как чуда явления Бога во плоти и чудо приобщения человека (преимущественно ребенка) к истине Откровения. Вероятно, самый ранний образец жанра — «Рождественский сонет» В. Кюхельбекера, однако при анализе многообразных рождественских стихотворений необходимо учитывать рецепцию переводов с немецкого языка, о чем уже было сказано ранее.

Таким образом, выявленная здесь типология изображения чуда позволяет говорить, как минимум, о двух ведущих тенденциях осмысления христианского праздника в русской литературной традиции:

- 1 Откровение, однократно и кардинально меняющее индивидуальную судьбу (Рождество и Пасха в прозаических жанрах). Его сопровождает бытовой предметный ряд, имплицитно содержащий *семантику дара и щедрости*.
- 2 Возобновление природного цикла как напоминание о целостной перемене бытия (Пасха в проповеди и лирике). Ему соответствует природная образность, наделенная семантикой *сияния и цветения*.

Первая тенденция, по всей видимости, берет свое начало от европейской литературы и реализуется благодаря поэтике прозы позднего романтизма и реализма, тогда как вторая сосуществует параллельно с первой в иных формах, при этом не только продолжая поэтическим языком образность риторического искусства проповедей, но и аккумулируя элементы богослужбной поэтики. Трудно сказать, насколько в данном случае пасхальная светская лирика может быть признана феноменом сугубо русской культуры. В любом случае и смысловая, и образная ее система ближе непосредственно к церковной традиции, в том числе и *прославлением через песнопение*, хотя использует художественные средства позднего романтизма и модернизма.

Обозначенная система может быть в будущем уточнена или опровергнута как любая теория, но так или иначе позволяет связать жанр, направление, мотив, систему образов и картину мира, а также может стать исходным принципом для изучения традиции светской христианской литературы, интерпретации и анализа ее смысловых акцентов, содержательности художественных форм и рецепции церковной поэтики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Андреев Л. Н. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 49–51.
- 2 Баранов К. Ночь на Рождество Христово. М.: Университетская тип., 1834. Ч. 1. 226 с.
- 3 Бунин И. А. Стихотворения: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, Вита Нова, 2014. Т. 1. 687 с.
- 4 Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
- 5 Державин Г. Р. Сочинения. СПб.: Изд. Императорской Академии наук, 1864. Т. 1. 812 с.
- 6 Дзыга Я. О. Творчество Шмелева в контексте традиций русской литературы. М.: БУКИ ВЕДИ, 2013. 348 с.

- 7 *Дзыга Я. О.* Изображение быта в «Истории любовной» И. С. Шмелева: диалог с традицией // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 7. С. 105–110.
- 8 *Диккенс Ч.* Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 12. 508 с.
- 9 *Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 258 с.
- 10 *Душечкина Е. В.* Русская елка: История, мифология, литература. СПб.: Норинт, 2002. 414 с.
- 11 *Ерхов Б.* Андерсен М.: Молодая гвардия. 2013. 255 с.
- 12 *Завельская Д. А.* Христианский праздник в произведениях авторов «Знания»: методология сопоставления // Горький — художник и мыслитель. Горьковские чтения — 2016. Материалы XXXVII Международной научной конференции. Н. Новгород: Бегемот НН, 2016. С. 221–230.
- 13 *Захаров В. Н.* Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 249–261.
- 14 *К. Р.* Царь иудейский: Драма в четырех действиях и пяти картинах. СПб.: Тип. Министерства Внутренних дел, 1914. 220 с.
- 15 *Кошелев В. А.* «Светлое Воскресенье» А. С. Хомякова как вольное переложение «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса // Москва. 1991. № 4. С. 81–84.
- 16 *Куприн А. И.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1971. Т. 2. 511 с.
- 17 *Куприн А. И.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1971. Т. 3. 494 с.
- 18 *Кюхельбекер В. К.* Полн. собр. стихотворений. М.: Русское Тов-во печатного и издательского дела, 1908. 200 с.
- 19 *Лесков Н. С.* Святочные рассказы. СПб.; М.: Тов-во М. О. Вольфа, 1886. 403 с.
- 20 *Майков А. Н.* Стихотворения А. Н. Майкова: в 3 ч. СПб.: Изд-во В. П. Мещерского, 1972. Ч. 2. 416 с.
- 21 *Напцок Б. Р., Меретукова М. М.* Жанровые инварианты и своеобразие поэтики рождественской прозы (на материале русской литературы XIX – нач. XX в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2017. Вып. 2. С. 144–149.
- 22 *Петерсон К.* Молитва // Звездочка. 1843. № 9. С. 229–230.
- 23 *Полонский Я. П.* Полн. собр. стихотворений. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1896. Т. 2. 460 с.
- 24 *Старыгина Н. Н.* Дарение: от устойчивого рождественского мотива к сквозному мотиву в святочных рассказах Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15 (№ 4). С. 38–58.
- 25 Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского, с предварительным очерком истории Турова и Туровской иерархии до XIII века. Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1880. 296 с.
- 26 *Фридендер Г. М.* Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964. 404 с.
- 27 *Шмелев И. С.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 1. 640 с.
- 28 *Шмелев И. С.* Человек из ресторана // Сборник товарищества «Знание» за 1911. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1911. Кн. 36. С. 5–174.
- 29 *Чарская Л.* Голубая волна. Стихи и песни для юношества. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1909. 180 с.
- 30 *Rückert F.* Gedichte von Friedrich Rückert. Frankfurt am Main: Johann David Sauerländer, 1841. S. 273–276.

***

© 2019. Darya A. Zaveljskaya
Moscow, Russia

THE MOTIF OF THE MIRACLE IN THE CHRISTIAN HOLIDAY'S IMAGERY OF RUSSIAN LITERARY TRADITION

Abstract: The concept of tradition requires scientific justification and a systematic approach. Typology of miracle's image in the Russian literary tradition is the main topic of this research. The study and systematization of literary images aims to contribute to the understanding of perceptions and value aspects of culture. The theme of the Christian holiday can be traced in the texts of various genres and styles. The analysis of prosaic and poetic works of Russian writers came to be the basis for comparison and differentiation of several stable invariants characteristic of prose and lyricism. Through the process of analysis of prosaic and poetic texts the author highlights the unity of motives of miracle and gift and the perception of change as a miracle. The plots of Easter prosaic works are similar to the Christmas ones and are based on a change in one's heart and destiny. One can see the influence of European literature in basic prosaic plots. Easter Russian lyric poetry is original and distinctive and contains direct references to liturgical texts. Thus the paper reveals two leading trends of understanding in prose and lyrics of the Christian holiday in the Russian literary tradition through the motive of the miracle: a change in the individual fate and a holistic renewal of life. The proposed system allows to interlink genre, direction, motif, imagery system and world view, and may also serve as an aspect of study of the tradition of secular Christian literature.

Keywords: miracle, holiday, Russian literature, tradition, motif, style, genre, subject, donation, Christmas, Easter.

Information about author: Darya A. Zaveljskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technology, Design, Art), Khibinskiy Pr. 6, 129337 Moscow, Russia. E-mail: daralzav@gmail.com

Received: June 28, 2018

Date of publication: March 28, 2019

For citation: Zaveljskaya D. A. The motif of the miracle in the Christian holiday's imagery of Russian literary tradition. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 51, pp. 125–140. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Andreev L. N. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. Vol. 1. 660 p. (In Russian)
- 2 Baranov K. *Noch' na Rozhdestvo Khristovo* [Christmas night]. Moscow, Universitetskaya tipografia Publ., 1834. Part 1. 226 p. (In Russian)
- 3 Bunin I. A. *Stikhotvoreniia: v 2 t.* [Poems: in 2 vols.]. St. Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo doma, Vita Nova Publ., 2014. Vol. 1. 687 p. (In Russian)
- 4 Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 350 p. (In Russian)
- 5 Derzhavin G. R. *Sochineniia* [Works]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1864. Vol. 1. 812 p. (In Russian)

- 6 Dzyga Ya. O. *Tvorchestvo Shmeleva v kontekste traditsii russkoi literatury* [Shmelev's work in the context of traditions of the Russian literature]. Moscow, BUKI VEDI Publ., 2013. 348 p. (In Russian)
- 7 Dzyga Ya. O. Izobrazhenie byta v "Istorii liubovnoi" I. S. Shmeleva: dialog s traditsiej [The description of daily life in I. S. Shmelev's "The history of love": a dialogue with tradition]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no 7, pp. 105–110. (In Russian)
- 8 Dikens Ch. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.] Moscow, GIHL Publ., 1958. Vol. 12. 508 p. (In Russian)
- 9 Dushechkina E. V. *Russkii sviatochnyi rasskaz: stanovlenie zhanra* [Russian Christmas story: establishment of the genre]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1995. 256 p. (In Russian)
- 10 Dushechkina E. V. *Russkaia elka: Istoriia, mifologiya, literatura* [Russian Christmas tree: History, mythology, literature]. St. Petersburg, Norint Publ., 2002. 414 p. (In Russian)
- 11 Erhov B. *Andersen*. Moscow, Molodaya gvardia Publ., 2013. 255 p. (In Russian)
- 12 Zavel'skaya D. A. Khristianskii prazdnik v proizvedeniakh avtorov "Znaniia": metodologiya sopostavleniia [Christian holyday in the works of authors of "Znaniia": comparison methodology]. *Gor'kii — khudozhnik i myslitel'. Gor'kovskie chteniia — 2016. Materialy XXXVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Gorky — artist and thinker. Gorky readings 2016. Proceedings of the 32 International scientific conference]. Nizhnii Novgorod, BegemotNN Publ., 2016, pp. 221–230. (In Russian)
- 13 Zaharov V. N. Paskhal'nyi rasskaz kak zhanr russkoi literatury [The Easter story as a Russian literary genre]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 1994, no 3, pp. 249–261. (In Russian)
- 14 K. R. *Tsar' iudeiskii: Drama v chetyrekh deistviakh i piati kartinakh* [The king of Judah: drama in four acts and five scenes]. St. Petersburg, Tipografiia Ministerstva Vnutrennikh del Publ., 1914. 220 p. (In Russian)
- 15 Koshelev V. A. "Svetloe Voskresen'e" A. S. Khomiakova kak vol'noe perelozhenie "Rozhdestvenskoi pesni v proze" Ch. Dikensa ["Resurrection Sunday" by A. S. Khomyakov as a free arrangement of "Christmas carol in prose" by Ch. Dickens]. *Moskva*, 1991, no 4, pp. 81–84. (In Russian)
- 16 Kuprin A. I. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971. Vol. 2. 511 p. (In Russian)
- 17 Kuprin A. I. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971. Vol. 3. 494 p. (In Russian)
- 18 Kyuhel'beker V. K. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Moscow, Russkoe Tovarishchestvo pechatnogo i izdatel'skogo dela Publ., 1908. 200 p. (In Russian)
- 19 Leskov N. S. *Sviatochnye rasskazy* [Yule tales]. St. Petersburg; Moscow, Tovarishchestvo M. O. Vol'fa Publ., 1886. 403 p. (In Russian)
- 20 Majkov A. N. *Stikhotvoreniya A. N. Majkova v tryoh chastyakh* [Poems by A. N. Maykov in 3 parts]. St. Petersburg, Izdatel'stvo V. P. Meshherskogo Publ., 1872. Part 2. 416 p. (In Russian)
- 21 Napcok B. R., Meretukova M. M. Zhanrovye invarianty i svoeobrazie poetiki rozhdestvenskoi prozy (na materiale russkoi literatury XIX – nach. XX v.) [Genre invariants and originality of poetics of Christmas prose (based on the Russian literature

- of the 19th — the beginning of the 20th century)]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seria: Filologiya i iskusstvovedenie [Series: Philology and art history], 2017, vol. 2, pp. 144–149. (In Russian)
- 22 Peterson K. Molitva [Prayer]. *Zvezdochka*, 1843, no 4, pp. 229–230. (In Russian)
- 23 Polonskij Ya. P. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. St. Petersburg, Izdatel'stvo A. F. Marks Publ., 1896. Vol. 2. 460 p. (In Russian)
- 24 Starygina N. N. Darenie: ot ustoichivogo rozhdstvenskogo motiva k skvoznomu motivu v sviatochnykh rasskazakh N. S. Leskova [Donary: from a permanent Christmas motif to a recurrent motif in Yule tales by N. S. Leskov]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2017, vol. 15 (no 4), pp. 38–58. (In Russian)
- 25 *Tvoreniia sviatogo ottsa nashego Kirilla, episkopa Turovskogo, s predvaritel'nyim ocherkom istorii Turova i Turovskoi ierarkhii do XIII veka* [Creations of our Holy father Cyril, Bishop of Turov, with a preliminary essay on the history of Turov and the Turov hierarchy up to the 13th century]. Kiev, Tipografiia Kievo-Pecherskoj Lavry Publ., 1880. 296 p. (In Russian)
- 26 Fridlender G. M. *Realizm Dostoevskogo* [Dostoevsky's realism]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 404 p. (In Russian)
- 27 Shmelev I. S. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols.] Moscow, Russkaya kniga Publ., 2001. Vol. 1. 640 p. (In Russian)
- 28 Shmelev I. S. Chelovek iz restorana [Man from the restaurant]. *Sbornik tovarishchestva "Znanie" za 1911* [Collection of the Association "Znanie"]. St. Petersburg, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa Publ., 1911, pp. 5–174. (In Russian)
- 29 Charskaya L. *Golubaia volna. Stikhi i pesni dlia iunoshestva* [Blue wave. Poems and songs for the young]. St. Petersburg, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa Publ., 1909. 180 p. (In Russian)
- 30 Rückert F. *Gedichte von Friedrich Rückert* [Poems by Friedrich Rückert]. Frankfurt am Main, Druck und Verlag Johann David Sauerländer Publ., 1841. 728 p. (In Germany)